Дмитрий МУРЗИН

Автор: Жюри
13.07.2018 20:40

Поэт, редактор. Зав. отделом поэзии журнала " ОГНИ КУЗБАССА ". Живет в Кемерово (Россия).

Дмитрий МУРЗИН

СТИХИ ИЗ КНИГИ

* * *

На все про все осталось полчаса.
Я сам себе назначил эти сроки.
Подобье циферблата, колеса,
Вращенье выворачивает строки.

Идут часы, опять же — полчаса,
Семь раз отмерь и ошибись в расчетах...

Пускай мы не на разных полюсах —
Вполне смертельна разница в широтах.

* * *

Возьми меня в ночной абонемент.
Возьми меня в дозор, в разведку, в драку.
Возьми на мушку, выбери момент,
Убей, как друга или как собаку.

Прими меня в штыки или на грудь.
Возьми меня на сдачу, словно спички,
Как сотню грамм, закушай чем-нибудь.

Вот так раз пять — и я войду в привычку.

* * *

Красиво жить — не запретишь,
Так запрети жить некрасиво,
Пускай слеза настольной ивы
Настольный жалобит камыш.

Красиво жить не запретишь.
Пускай звезда в твоем колодце
Не отразится, а взорвется,
И ты об этом промолчишь.

Красиво жить не запретишь.
Пусть в небе отразится небо,
И ночь придет чернее хлеба,
Когда ты сладко-сладко спишь.

Красиво жить не запретишь,
Пусть я приду не раньше ночи,
А дальше — место многоточий,
А дальше — кыш, читатель, кыш...

* * *

Кончается век как ни в чем не бывало,
Кончается так, как кончаться привык.
А мы продолжаемся. Дело за малым —
Успеть отпустить застоявшийся миг.

Кончается век, словно ниточка рвется,
Но крутится-вертится шар голубой.
И жизнь продолжается, жизнь остается,
Как солнце, висящее вниз головой.

* * *

В старом кресле старый Бунин
Новый замысел лелеет,
Говорит, мол, все там будем,
Пишет «Темные аллеи».

В новом маленьком рассказе
Много воздуха и солнца.
То, что он придумал в Грассе,

Нас, сегодняшних, коснется.

Героиня роковая
Никого не пожалеет...
Бунин пишет, Бунин знает —
Есть ли свет в конце аллеи.

* * *

Шторы задернуть, чтобы всю ночь до утра
На негативах угадывать: ху из ху?
Смотреть, как в ванночке соль серебра
Реагирует на всякую чепуху...

Считать до пяти, экспонируя «бромпортрет»
Увеличителем «Юность», похожим на самовар,
Сожалеть о том, что резкости нет, да и счастья нет,
Ракурс не тот, голова не попала в кадр.

Вот ты со мной, вот ты с ним, вот ты одна,
Сделать еще пару карточек — и шабаш...
Наблюдать, как твое лицо всплывает со дна,
И, засыпая, пинцет уронить в фиксаж.

* * *

хочется легкого — рук твоих на загривке.
ветки черемухи. теплого молока.
все чересчур — букетик сирени, сливки
и слишком тяжелые белые облака.

все чересчур. я получил с лихвою,
гуще, больше, сильнее, невпроворот.
так чересчур, что, кажется, я завою
только с того, что зевота скривила рот.

то, что мне перепало — двоим хватило б —
друзей и предательства, верности и измен,
сколько всего память моя вместила.
столько свободы, что, кажется, лучше плен.

вместо одной мне выпало две дороги,
я был идущим, то есть осилил их,
небо коптил за двоих, но зато в итоге
смерти боялся больше, чем за двоих.

* * *

Злой я был, когда, шатаясь,
Брел домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был и шел сквозь темень,
Как идет из раны кровь,
Проклиная место, время
И особенно любовь.

Ты таким меня застала —
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

* * *

Мой милый друг, я шлю тебе привет
С границы между радостью и болью.
Аз есмь региональный компонент.
Меня всего теперь изучат в школе.

И я сто раз в гробу перевернусь,
Я поперхнусь вином «Киндзмараули»,
Когда мои творенья наизусть
Промямлит второгодник Хабибуллин.

Я буду выступать то здесь, то там,
Вокруг меня — иные компоненты,
Аплодисменты, водка, суета,
И водка, и опять аплодисменты.

И так пройдут года. И много лет
Моя жена вздыхает тихо в спальне:
Где шарится ее региональный,
Подвыпивший, любимый компонент.

* * *

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трех соснах.

Дай мне вышептать твое имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине —
Я устал от твоих изысков.

* * *

Вяло сигарету разминаю.
Не курю. И не прошу огня.
Будто бы не знал — но вспоминаю
Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали,
Как бывали здесь навеселе.
Как они наивно представляли
Все, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье,
Вот уж пальцем не туда попал...
Вряд ли они этого хотели,
Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так — считай Емеля,
Полон весь намерений благих,
Даже помолиться не умею
За безвестных пращуров своих.

Вздрогнув и очнувшись от напасти,
Брошу сигарету — баловство,
Задыхаясь от стыда и счастья,
Как Иван, припомнивший родство.

* * *

Когда-то незнакомые слова
Казались мне садовыми цветами,
И ароматы в воздухе витали,
И медленно кружилась голова.

Набравшись не ума, а лишь морщин,
Случается, твержу себе украдкой,

Что все же на одной взрастают грядке
И рододендрон, и адреналин.

Забывшись лишь на несколько минут,
Вхожу под свод немыслимого сада,
Где так, как в детстве, то есть так, как надо,
Гортензия с претензией цветут.

* * *

Губы — к губам.
И язык не сдержать за зубами.
Видишь, и мне
На лицо повязали глаза.
Время идет,
И коса не находит на камень.
Время идет,
И опять торжествует коса.
Время пришло.
Мне набросили руки на плечи.
Медленно-медленно,
Чтобы не сбросить их с плеч,
Двигаюсь я
К неизменному времени встречи.
Места не знаю.
Но им можно и пренебречь.

* * *

Сумерки крадутся по дворам...
Осень в решете приносит дождь.
И такая сладостная дрожь
По прошедшим летним вечерам.

Музыка звучит издалека,
Только та, что нравится и снится,
Только та, что освещает лица
И — не разгоняет облака.

Осень мне цветные крутит сны
На обычной простыне в горошек.
Хочется быть умным и хорошим
И не просыпаться до весны.

* * *

Автор: Жюри
13.07.2018 20:40

Поздно, автор, слишком поздно.
Завертелся твой сюжет.
Он уже несет ей розы,
И назад дороги нет.

Все уже в ней сердцу мило,
Коготок уже увяз.
Автор ничего не в силах
Изменить на этот раз.

Все — на взводе, все — на нерве.
Поцелуев полон рот.
Только он — совсем не первый,
Кто, как в пропасть, к ней шагнет.

Автор нагуляет проседь,
Но не выдержит — шепнет:
— Да она тебя же бросит!
Зачеркнет! Перелистнет!

Так и будет, так и будет,
Ты уж автору поверь...
И не станет бить посуду,
Просто выставит за дверь.
Автор спит, но ранит душу
Еле-еле слышный глас:
— Автор! Я тебе не слушал...
Автор! Что же ты не спас?..

ФЕОДОСИЯ

Искупаться лишь раз, в самый первый день
(Айвазовского видел, у Грина был),
Сесть куда потише, забиться в тень
И не вспоминать то, что позабыл.

Покупать на рынке вино, кизил,
Прямо в тапках ходить встречать поезда
И о том, что что-то там позабыл,
Позабыть уже навсегда.

* * *

Как нахохлишься — сразу направо,
Загаси, положи на пенек,
Как накроется слава, халява —

Пригодится бычок.

Все закончилось. Сточены лясы.
Хватит корчить придурка.
Ты вернулся напрасно.
Ни пенька. Ни окурка.

* * *

белый шум разговора
□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□ *А. Жестов*

Если вспомнить — да сколько речей утекло:
Угрожали, сулили и брали на понт...
Телевизор погас, мозг промыт, как стекло,
Закрываешь глаза, как союзники — фронт.

Открываешь глаза — а союзников нет,
Не моргая, глядишь... в крышку? нет, в потолок.
Если раньше с зарею мерещился Фет,
Нынче точно в двенадцать является Блок.

И лежишь, как боец, потерявший отряд,
Потолок изучаешь, как будто матчасть.
Но когда все вокруг говорят, говорят —
Нужно что-нибудь делать. Хотя бы молчать.

* * *

Репетиция вечности в полном разгаре,
А вечно хмельной дирижер
И не то, чтоб в ударе...
Но музыка льется из пор

И сочится, как слезы из глаз, и
Клубится, как пар изо рта,
И стучит, чтоб не сглазить,
По дереву. И суета

Отступает и прячется в тень от портьеры.
И первая скрипка в усы
Усмехнулся и первым
Не в такт посмотрел на часы.

* * *

Что там в стакане? Чай?
Зелье против тоски?
Вот он, родимый край,
Встань и запоминай

Целое и куски.
Как на картине, где
Лишнего нет мазка,
Мир висит на звезде,

Крошкой на бороде,
Пулею у виска.
Вот вам и свет в окне,
Вот вам отчизны дым.

Мир лежит на спине,
Ноги раздвинув. Мне
Не по дороге с ним.
Что же будет теперь?

Не погасив звезду,
Вышел Господь за дверь...
Что ты мне шепчешь? Верь?
Холодно, как в аду.

АВТОРУ ОТ ПЕРСОНАЖЕЙ

Дело провернем — как дважды два.
Проберемся к автору в квартиру.
Пошуршим пером. Расстроим лиру.
Поменяем строчки и слова.

Пусть его кружится голова,
Будто мирозданье на шарнирах.
Мы перевернем картину мира,
Типа: он не прав, она права.

Пусть вино заранее стоит
Над икрою черной или красной.
Всякие конфеты-ананасы.

На двоих стол тщательно накрыт.
Тщательно. И все-таки напрасно.
Автор не дождался. Автор спит.

* * *

нетопырь оттопырился. может, и нам принесут.
в этом пыльном шалмане за пивом послать — как за смертью.
но пронзит холодок в промежутке от пятой до третьей.
и гадай, что содержит в себе запотевший сосуд.

и захочется тут же, хотя бы на пару минут
настоящего времени, без суеты-круговерти,
и сидишь, вспоминаешь порядковый номер столетья:
хорошо в девятнадцатом веке — блаженный уют,

все вокруг было чище, светлее, добрее, мудрее...
торжество здравомыслия, что еще нужно для счастья?

подоспевший гарсон наважденье сотрет, будто ластик,
наконец притащив нам два пива, разлитого в пластик,

будет ждать чаевых, потирая немытую шею.
слишком короток век. чек гораздо длиннее.

* * *

Давай я тебя выдумаю.
Давай я тебя выдумаю капризной.
Ты будешь дуться на меня за верлибр
И просить сонет.

Я выдумаю тебе
Лукавые глаза,
Непослушные волосы,
Веснушки
И все остальное.

Ты скажешь:
«Открой дверь,
Закрой глаза».

И войдешь.

Я спрошу:
«Где ты была?»

Ты ответишь:
«Ходила за хлебом.
Купила сумочку.
И у меня не осталось денег».

* * *

Я вышел из абсурдовоза
И молвил маю: отвали.
Все врут: весна, календари.
Прощай, души моей заноза!

Что не поэзия — то проза,
Жизнь заново перебели
И, отрываясь от земли,
Шепчи: морозы-розы-грозы.

Пусть станет как обычно — жутко.
Сыграй со мною, Моцарт, шутку!
Сыграй со мною фугу, Бах!

Сыграет пошлость пухлый лабух...
Весна идет на тонких лапах,
И я — как мышь в ее зубах.

* * *

ад писателя — это лес,
срубленный для его публикаций.

сплошные пеньки до горизонта.

садишься на пенек,
а он тебе нашептывает
строки твои.

и на какой пенек не сядешь —
звучит что-то жалкое,
твое, но жалкое.

и ты мечешься
от пенька к пеньку,
ищешь дерево,
срубленное не зря.

Публикация в журнале "Дети Ра" 12, 2013

{jacomment off}